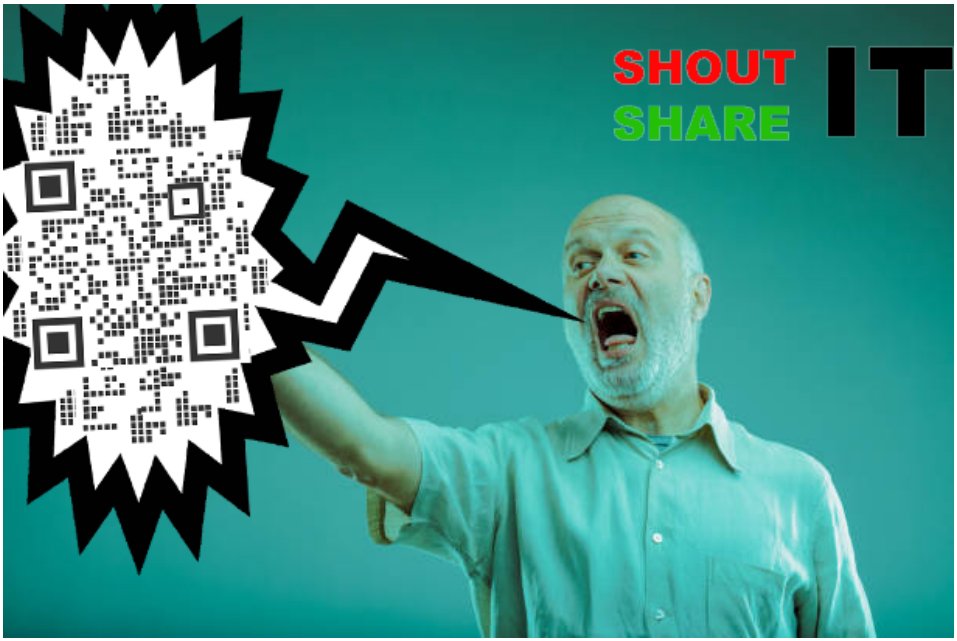
Василий Аксенов

Памяти Терца

Часть сборника
Логово Льва. Забытые рассказы


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Для той же самой России в ее какой-то, может быть, почти не существующей или совсем не существующей, но витающей над нами астральной модели – иными словами,для «идеалистической России» – имена Синявского и Даниэля навсегда останутся символами борьбы и даже победы. Судилище 1966 года, вместо того чтобы запугать, открыло в обществе существование какого-то трудно объяснимого резерва свободы, то ли уцелевшего со старых времен, то ли накопившегося заново…»

- Василий Павлович Аксенов
- Случайных совпадений не бывает
- Памяти Терца

Василий Павлович Аксенов
Памяти Терца

Издательство благодарит за помощь сотрудников архива «Литературной газеты»

Случайных совпадений не бывает

Свидетельствую: зрелый Аксенов, свирепо именовавший даже своих знаменитых «Коллег» (1960) и «Звездный билет» (1962) «детским садом», очень не любил, когда ему напоминали о его *первой* публикации 1958 года, сильно кривился, имея на это полное право, но отнюдь не обязанность.

Потому что без этих ранних, наивных «Асфальтовых дорог» и «Дорогой Веры Ивановны» знаменитый Василий Аксенов, из джинсового пиджака которого, как из гоголевской «Шинели», вышла вся новая русская проза, – далеко «не полный».

Нужно было звериное писательское чутье тогдашнего редактора суперпопулярного журнала «Юность» Валентина Катаева, чтобы разглядеть в экзерсисах безвестного выпускника Ленинградского мединститута нечто стоящее, неуловимо отличающееся от расхожей «оттепельной» комсомольско-молодежной лабуды про парткомычей «с человеческим лицом» и честных советских ребят, которые верны «заветам отцов», хоть и любят американский джаз. Говорили, что мэтра восхитила фраза молодого автора «стоячая вода канала похожа на запыленную крышку рояля». Такого он давненько не слышал и не читал. Здесь же и «пепельница, утыканная окурками, похожая на взбесившегося ежа», и «темные углы военкомата», и «официант с каменным лицом жонглера».

Раннего Катаева, будущего Героя Социалистического Труда, награжденного двумя орденами Ленина, углядел автор «Окаянных дней» Иван Бунин, будущего «отщепенца и антисоветчика» Аксенова – Катаев. Круг замкнулся. Всем всё зачтется.

Первые рассказы этого сборника – наглядная иллюстрация того, как «Вася из Казани», обладающий природным даром и горькими знаниями о жизни, на какое-то время *пытался заставить* себя поверить в искренность заведомых коммунистических лжецов, утверждавших, что к прошлому нет возврата. Он, сын репрессированных родителей, получивших нечеловеческие сроки советских лагерей, пытался *честно* вписаться в систему, но быстро понял, что это, увы, невозможно. И, самое главное, не нужно, *неправильно.* Что с этими красными чертями нельзя, не получится договориться *по-хорошему.* И нужно для начала удалиться от них в другие, недоступные им сферы. Ну, например, туда, «где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах». Или на теплоход, идущий под радиомузыку из «Оперы нищих» по сонной северной реке. Там чудеса, там

героические летчики в «длинных синих трусах» неловко прыгают в воду, плавают не стильно, а «по-собачьи», глупо острят, но все же обладают неким таинственным знанием о законах «катапульты», которое пока что недоступно двум спортивным столичным пижонам…

А эти пижоны станут лет эдак через десять отчаявшимися, спившимися героями аксеновского шедевра, первого его свободного от власти и цензуры романа «Ожог», который он начал писать в стол сразу же после «чехословацких событий» 1968 года. «Перемена образа жизни» аукнется в «Острове Крыме». Рассказ «О похожести» – в «Новом сладостном стиле» и «Кесаревом свечении». Аргентинский скотопромышленник Сиракузерс обернется персонажем народного гиньоля под названием «Затоваренная бочкотара».

Процесс пошел, процесс идет. Случайных совпадений в жизни не бывает. 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет, Василий Аксенов, будущий кумир многих поколений российских читателей был свезен в дом для детей «врагов народа». Всхлипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного *львенка.* Эта книга называется «Логово льва».

Евгений Попов Июнь 2009

Памяти Терца

25 февраля скончался Андрей Синявский. Нелегко будет России замолить свою вину перед Синявским. В его судьбе она раскрыла во всю ширь и глубь всю свою «бездну унижений». Эта, по его же собственному определению, «родина-сука» выявила еще в ранние студенческие годы исключительный талант, незаурядный ум, начала с ним «работать», то есть шельмовать самым гнусным образом, ну а потом, когда выяснилось, что молодой человек не сдался, не дал погубить свой талант и душу живу, рассвирепев, засунула в свое узилище и только уж потом, отжевав, отглумившись, выплюнула за границу. Утерлась, довольная: все-таки молодость сожрала.

С другой стороны, для той же самой России в ее какой-то, может быть, почти не существующей или совсем не существующей, но витающей над нами астральной модели – иными словами, для «идеалистической России» – имена Синявского и Даниэля навсегда останутся символами борьбы и даже победы. Судилище 1966 года, вместо того чтобы запугать, открыло в обществе существование какого-то трудно объяснимого резерва свободы, то ли уцелевшего со старых времен, то ли накопившегося заново.

Так или иначе, дальше все пошло в присутствии и под пристальным наблюдением Андрея Донатовича Синявского, человека весьма оригинальной внешности. Маленький, с длинной бородой и косым глазом, он вроде бы напоминал нам каких-нибудь пустынников или лесовиков, однако всякий раз, как я его видел, я вспоминал бритого Сартра.

Разумеется, было что-то общее у этих двух людей не только во внешности, но и во взглядах на суть человеческого бытия, то есть, по-сартровски говоря, «экзистанса». Своей личностной и художественной практикой Синявский как бы всегда подтверждал один из ведущих постулатов сартровской философии, постулат о могучем и грозном уровне человеческой свободы. Человек способен сделать выбор среди альтернатив, удовлетворяющих определенную цель. Он способен также выбрать цель из тех, что способны удовлетворить определенную, то есть тоже выбранную, человеческую природу. Таким образом, не существует никаких ограничений человеческой свободы, а те, кто говорит о психологическом детерминизме, на самом деле просто пытаются избежать ответственности за свой выбор.

Многие произведения Синявского-Терца, такие, например, как «Крошка Цорес» или «Спокойной ночи», можно рассматривать

как притчи о человеческой свободе. Он, казалось, органически не мог произнести слова «мы», то есть связать себя хоть какими-то путами. При чтении Терца тебя то и дело пронизывает чувство тотального одиночества. Герой «Голоса из хора» – это, по сути дела, то же самое лицо, что и «Пхенц», притворяющийся человеком, мыслящий отросток из космических глубин. Бесформенность изначальной человеческой ситуации в мире является как бы необходимым элементом для его радикальной свободы. Существование тем не менее предшествует сути. Человек отрицает пустоту мира, создавая его суть для себя, переделывая «вещь в себе» в «вещь для себя», сам создавая для себя структуру мира.

Все писатели при жизни немного кокетничают. Тот же Сартр без конца кокетничал со своими поклонниками, студентами левого берега Сены. Так и Пушкин постоянно кокетничал, мы знаем с кем. Так и Синявский при всей суровости своего выбора оставался человеком, полным юмора и литературного кокетства, подхватывал Пушкина под ручку, фланировал с ним по бульварам, грассировал напропалую, демонстрировал тотальную «неангажированность». Впрочем, и в этом кокетстве, и в частой иронии он всегда оставался вопиющим одиночкой, недаром изобрел в самом себе «Абрама для битья».

Открываем наугад «Мысли врасплох» и читаем: «Жизнь человека похожа на служебную командировку. Она коротка и ответственна… Тебе поставлены сроки и отпущены суммы. И не тебе одному. Все мы на земле не гости и не хозяева, не туристы и не туземцы.

Все мы – командированные».

«Надо бы умирать так, чтобы крикнуть (шепнуть) перед смертью:

– Ура, мы отплываем!»

«Довольно твердить о человеке. Пора подумать о Боге». «Мысли о Боге неиссякаемы и велики, как море. Они захлестывают, в них тонешь с головой, с руками, не достигая дна. Бог в нашем сознании – понятие настолько широкое, что способно выступать как собственная противоположность даже в рамках единой религиозной доктрины. Он – непознаваем и узнаваем повсюду, недоступен и ближе близкого, жесток и добр, абсурден, иррационален и предельно логичен. Ни одно понятие не дает такого размаха в колебании смысла, не предоставляет столько возможностей постижения и толкования (при одновременно твердой уверенности в его безусловной точности). Уже это говорит о значительности стоящего за ним Лица и Предмета наших верований, наших раздумий. В Бога можно по-разному

верить, о нем можно бесконечно думать: Он охватывает все и везде присутствует как самое главное, ни в чем не умещаясь. Это самое огромное, единственное явление в мире. Кроме этого, ничего нет».

Эти мысли, разумеется, уводят Андрея Донатовича Синявского от предполагаемой нами близости к Сартру с его постулатом о «смерти Бога» и возвращают его туда, откуда он и пришел, к Бердяеву и Шестову, в энергические поля той «идеалистической России», ради которой он и прожил свою творческую жизнь.

1997